

Глава 10. Как бранятся супруги

Округ Вэньцзинь исстари славился своими сливами. Самый дорогой сорт — драгоценная слива — продавался по двадцать лянов серебра за цзинь. Цена неслыханная: на невольничьем рынке за эти деньги можно было купить молодую служанку.

Как раз подоспел сезон сбора. Босс Хуан прислал шесть отборных слив — якобы на пробу, «оценить первый урожай». Цан Доушань взвесил подношение в руке — вышло без малого два цзиня. Он вымыл парочку и сразу же откусил: мякоть оказалась плотной, косточка — крошечной, а душистый сладкий сок таял во рту, услаждая душу.

— Вэйшэн, иди сливы есть!

Вэйшэн взял плод и оглядел со всех сторон. Округлый, пухлый, с нежной зеленоватой кожицей — фрукт так и просился в рот. Сразу видно, вещь баснословно дорогая.

— Опять он подарки шлёт, — проворчал Вэйшэн с досадой.

— Раз принесли даром — надо брать, — отозвался Цан Доушань. Он прекрасно понимал, что за неожиданной щедростью всегда кроется умысел, но раз уж принесли — глупо отказываться. Юноша жевал с явным удовольствием.

Вэйшэн надкусил сливу и вздохнул:

— И сегодня опять ни одного покупателя.

— Мы только вчера две коробки румян продали, ты уже забыл?

— Мне хочется, чтобы они шли к нам каждый день.

Цан Доушань спорить не стал. Он молча доел свою сливу и щелчком пальцев отправил крошечную косточку в придорожную траву.

— Как твои тренировки?

— Почти достиг Вхождения.

Цан Доушань улыбнулся:

— Быстро же ты. Перешагнёшь порог — смогу научить тебя новым заклинаниям.

— Угу.

— А ты сам уже там? — поинтересовался Вэйшэн.

— Да, несколько дней назад прорвался, — ответил Цан Доушань, обхватив колени руками. — Теперь нужно закладывать основу и копить духовную силу. Чем больше её накопишь, тем легче потом подняться на уровень Двойной Сферы Таинственной Рыбы. А те, кто до неё добирается, уже считаются настоящими мастерами — истинными мужами.

— А на Двойной Сфере ведь начинают слияние со своим личным артефактом?

Цан Доушань усмехнулся, отведя взгляд:

— До этого ещё... как до неба пешком.

— Но я слышал, — осторожно прощупывал почву Вэйшэн, — что закладывать связь с родным артефактом лучше всего как раз на этапе Вхождения.

— Глупости, — равнодушно отозвался Цан Доушань. — Раннее слияние имеет смысл только для слабых артефактов, в которых уже зародился дух. Тогда у них есть шанс расти вместе с хозяином и подняться в ранге, когда тот достигнет Двойной Сферы. Но пользы от этого мало. Даже если не брать в расчёт, суждено ли владельцу доползти до высшей ступени Постижения Небес, совместное возвышение таит в себе смертельную опасность. Воля духа крепнет с каждым прорывом, и рано или поздно он может взбунтоваться и подчинить себе разум хозяина.

— Вот оно как... Значит, спешить некуда, — хмыкнул Вэйшэн. Он опустил голову и принялся усердно обглаживать косточку, счищая зубами последние волокна сладкой мякоти. Закончив, он вышел из лавки, широко размахнулся и зашвырнул косточку в кусты.

Снаряд несколько раз подпрыгнул на утопанной земле и скрылся в густой траве.

На повороте в переулок Цветочной Чашечки показался запряжённый экипаж. С его резного купола свисала тонкая вуаль из нежно-зелёного шёлка, а крошечные золотые бубенцы в виде лотосов пели при каждом покачивании. Экипаж выглядел настолько утончённо и дорого, что в глазах Вэйшэна на нём буквально горело крупное клеймо: «Баснословное богатство».

Он проследил за движением повозки и, убедившись, что та направляется напрямик к «Обители Бессмертного Чайника», просиял:

— Прибыло наше золото! Клиент едет!

И в самом деле: экипаж замер прямо перед лавкой. Цан Доушань выглянул наружу и, сразу признав в госте знатную особу, поспешил подняться. Вэйшэн же рассудил, что стоять на пороге с подобострастной улыбкой — ниже его достоинства. Он поспешно отступил за косяк двери и, волнуясь, затеребил Цан Доушаня за рукав:

— Ну как я? Выгляжу прилично?

Цан Доушань прыснул со смеху:

— Да человек за покупками приехал, а не на твою физиономию любоваться! Чего струхнул?

Тем временем гостя сошла на землю. На ней была шляпа-мили с длинной чёрной вуалью. От тонкой газовой ткани исходило едва заметное колебание духовной силы — вещь явно была магическим артефактом, надёжно защищающим лицо хозяйки от любого любопытного взора.

— Наведалась к вам по совету общего друга, — раздался нежный, певучий голос.

Гостя слегка склонилась в изящном реверансе. От такой учтивости лавочники совсем растерялись. Цан Доушань поспешно замахал руками:

— Что вы, сударыня! У нас лавка скромная, не стоит оказывать нам такую честь!

Дама выпрямилась и негромко рассмеялась:

— К чему церемонии? Покажите лучше, что у вас продаётся.

Вэйшэн мягко отстранил товарища локтем:

— Я сам.

Один изготавливал товар, другой — оценивал. В разговорах с покупателями Вэйшэну не было равных, и сейчас, стремясь очаровать знатную даму, он пустил в ход всё своё красноречие. Словесные кружева плелись сами собой: пасты, притирания и мази он расписывал так, словно они были доставлены из садов самих небожителей.

Выслушав его соловьиные трели, гостя сделала круг по залу и остановилась у прилавка. Слова, которые она произнесла, превзошли самые смелые ожидания компаньонов:

— Заверните всё. Каждого товара по одному флакону.

— Всё-всё? — на всякий случай уточнил Вэйшэн, боясь, что ему послышалось.

— Да. Будьте добры, упакуйте.

Внутри у Вэйшэна всё запело от восторга.

— Сию минуту! Правда, у нас маловато коробок и обёрточной бумаги... Пожалуйста, обождите немного.

Дама согласно кивнула. Вэйшэн чувствительно толкнул застывшего столбом друга: «Глаз с неё не спускай!» — и вихрем вылетел за порог, помчавшись за упаковкой.

Оставшись наедине с гостьей, Цан Доушань засуетился у очага и поспешно заварил чай. Дама присела на стул и лениво, словно от нечего делать, принялась расспрашивать его: почему лавка зовётся «Обителью Бессмертного Чайника», отчего место выбрано столь невзрачное и как им вообще пришла мысль открыться в этом закоулке.

Цан Доушань отвечал вежливо и обстоятельно, а в голове у него уже складывалась мозаика. По всему выходило, что гостья — непростая торговка, и подсказать дорогу ей мог только босс Хуан. Желая проверить догадку, юноша завёл беседу о редких травах и тонкостях их сбора. И тут же понял: дама смыслит в этом деле в сто крат больше него. Сроки созревания, особенности почв разных провинций, профессиональные словечки и полунамёки отскакивали у неё от зубов. Рядом с ней Цан Доушань со своими скудными познаниями казался блёклым любителем.

Вскоре в лавку влетел запыхавшийся Вэйшэн с охапкой картонных коробок. Он принялся бережно упаковывать товар, передавая готовые свёртки ожидавшей у входа служанке. Когда дошло до расчёта, выяснилось, что одна эта сделка покрыла расходы лавки за несколько месяцев вперёд. Вэйшэн из последних сил сдерживал рвущийся наружу победный вопль. Едва экипаж скрылся из виду, он принялся скакать по комнате как безумный:

— Деньжищи-то какие! Всё, сегодня пируем! Мясо, горы мяса!

Цан Доушань смотрел на него с улыбкой, качая головой:

— Мясо, мясо... Только о брюхе и думаешь!

Получив звонкую монету, Цан Доушань заприходовал львиную долю выручки и сразу же отправился закупать отборные травы. Теперь, имея на руках хорошие инструменты и первоклассное сырьё, он мог взяться за сложные рецепты — целебные пилюли для благоухания тела и нежные помады для волос. Он изо всех сил старался воссоздать притирания, которыми когда-то славилась его старшая сестра. Конечно, до идеала было далеко: мастерства ещё не хватало. Та помешанная на собственной внешности женщина умудрялась дистиллировать тончайшие масла и перетирать пудру, прибегая к колоссальной силе ступени Слияния с Дао. Воистину, в стремлении к красоте женщины способны свернуть горы.

Едва новые снадобья сошли с огня, босс Хуан прислал слугу за несколькими флаконами. Тот передал слова хозяина: даже лучшему вину нужна вывеска, а в их глухом закоулке без доброй славы не выжить. Цан Доушань особо ни на что не рассчитывал, однако затея босса Хуана принесла поразительные плоды.

Первыми с прилавков смели ароматные пилюли. Спрос на них потянул за собой и всё остальное: пудра, помады и белила «Обитатели Бессмертного Чайника» расходились без остатка. Некогда пустынный порог лавки теперь редко пустовал. Почуввав выгоду, хваткий Вэйшэн тут же взвинтил цены на новые поступления — чуть ли не втрое против себестоимости. Но покупателей это не только не отпугнуло, а скорее раззадорило. Спрос на недорогие сорта пудры рос как на дрожжах. К концу месяца компаньоны набили кошельки до отказа: даже после того, как они честно отдали половину боссу Хуану, чистая прибыль превзошла все ожидания.

На радостях Вэйшэн накопил ворох прославленных сластей округа Вэньцзинь и принялся усердно пичкать ими друга, заставляя распробовать каждую мелочь. Местные лакомства и впрямь держали марку — воздушные медовые пирожные и нежнейшие помадки таяли на языке.

И всё же в памяти Цан Доушаня нет-нет да и всплывал приторно-сладкий вкус лакомства «драконьи усы».

Впрочем, эти угощения тоже были весьма недурны.

Спустя несколько дней сытой и спокойной жизни Цан Доушань неожиданно получил приглашение. Его звали на званый вечер, дабы побеседовать об искусстве составления ароматов. Внизу изящным почерком было выведено имя: «Госпожа Цинхэ».

— Госпожа Цинхэ... — задумчиво пробормотал он, закрывая свиток. Уж не та ли щедрая покупательница в шляпе-мили, что скупала у нас все припасы? Чем больше он размышлял, тем вероятнее это казалось.

— Да какая разница! — отмахнулся Вэйшэн. — Главное — зовут на пир, поедим на славу!

Перспектива бесплатного угощения неизменно приводила его в восторг, хотя в глубине души он всё же беспокоился: не окажутся ли повадки госпожи Цинхэ такими же нелепыми, как у босса Хуана? Подадут ещё эти дурацкие палочки из чёрного дерева в серебряной оправе — изящные, спору нет, но ухватить ими нормальный кусок мяса невозможно.

Цан Доушань же пребывал в сомнениях. Когда к лавке подъехала телега от Хуана, он завязал разговор с погонщиком и как бы невзначай расспросил его о загадочной хозяйке.

Выяснилось, что госпожа Цинхэ — особа благородного происхождения и признанная на всю префектуру поэтесса. Рано овдовев, она сумела в одиночку удержать огромное дело покойного

мужа, не позволив пронырливой родне растащить имущество по кусочкам. В торговом мире её хватка считалась легендарной. Самое же главное — значительную долю её доходов составляли именно благовония и косметика. Тот самый «Зал Красных Рукавов», крупнейшая лавка румян и пудры в округе Вэньцзинь, принадлежал ей.

«Стало быть, коллеги», — смекнул Цан Доушань, и на душе у него заскребли кошки. Зачем ей понадобилось звать безвестного новичка? Мотивы богатой вдовы оставались загадкой. Не зря говорят: женское сердце — иголка на дне морском. Отказать нельзя — госпожа Цинхэ была полновластной хозяйкой местного рынка, и пренебречь её приглашением означало выказать неуважение. С другой стороны, в высоком искусстве составления ароматов Цан Доушань смыслил ровно столько же, сколько обычный крестьянин. Его товар пользовался спросом лишь благодаря крепким основам алхимии да секретам старшей сестры. Явись он на приём к знатокам — и любая беседа выдаст его с головой. Скажет слово невпопад, и прощай репутация.

Вэйшэн, однако, рассудил проще:

— Идти, и никаких гвоздей! Как можно упускать такой шанс?

Решимость друга вернула Цан Доушаню присутствие духа. Он рассудил, что являться с пустыми руками на порог к такой женщине глупо, и решил приготовить подарок. Порывшись в закромах, он извлёк флакон драгоценного розового дистиллята «Хуасюнь» и на его основе сварил порцию персикового мёда.

Это средство когда-то было у его старшей сестры самым любимым. Им можно было протирать лицо, добавлять в воду при купании для смягчения кожи или даже пить: через три дня тело начинало источать тонкий аромат. Причём запах получался не приторным, как у девиц из весёлых кварталов, а благородным и свежим, словно дыхание юности. Да и сам нектар выглядел прелестно, переливаясь нежным, девическим розовым цветом.

Ради такого подношения Цан Доушань не пожалел времени и отправился на рынок изящной посуды. Проведя там полдня, он отыскал крошечный, полупрозрачный флакон из нежного розового стекла — округлый у донышка, с изящным изогнутым горлышком. Густой персиковый мёд смотрелся в нём идеально, без тени дешёвой вычурности.

В назначенный день оба друга стояли перед воротами усадьбы госпожи Цинхэ, со смутным волнением вглядываясь вглубь двора.

Привратник на входе оказался малым сметливым. Он почтительно поклонился гостям, проверил приглашение и увёл их за собой под сень тенистого сада.

В отличие от усадьбы босса Хуана, которая так и кричала о богатстве хозяина, дом госпожи Цинхэ был воплощением благородной сдержанности. Всюду чувствовался тонкий вкус: постройки дышали древностью, деревянные перекрытия казались простыми, но были выполнены из драгоценных пород. Сама хозяйка выглядела под стать своему жилищу: строгая причёска, неброское платье. Не будь рядом свиты из служанок, её можно было бы принять за

обычную скромную горожанку почтенных лет.

Цан Доушань осторожно огляделся. Гостей собралось не меньше сотни. Среди мужчин он узнал нескольких крупных торговцев травами, с которыми его когда-то сводил босс Хуан. Дамы, надушенные и разодетые в дорогие шелка, держались на удивление просто и любезно.

Вэйшэн же, скользнув взглядом по столам с угощениями, едва не взвыл от отчаяния. Всё это великолепие — яркое, изящно оформленное — состояло из крошечных порций на один укус. Выглядело вкусно, но наестся этим было решительно невозможно.

Зря он морил себя голодом с самого утра!

«Как же хочется есть...» — мысленно причитал Вэйшэн, прижимая руку к сводящему от пустоты животу. На глаза его едва не наворачивались слёзы.

Цан Доушань держался скромно. Почти все собравшиеся давно знали друг друга; лишь они двое — молодые, безвестные — казались здесь чужаками.

Хозяйка вечера, госпожа Цинхэ, ожидаемо была в центре внимания. Знатные дамы окружили её плотным кольцом, весело щебеча и выпытывая, какими новыми диковинками она собирается их порадовать. Поставщики сырья тем временем выкладывали перед ней свои сокровища: на столах одна за другой появлялись шкатулки с узорчатым агаровым деревом, редчайшие куски драгоценной серой амбры, пучки столетней травы санью и свежий чай с вековых кустов, отдающий прохладным ароматом лотоса.

Обменявшись любезностями с подругами, госпожа Цинхэ принялась разглядывать приношения купцов. Цан Доушань внимательно слушал её суждения. Вдова обладала намётанным глазом: её замечания были тонкими, вежливыми, но били без промаха. Она подмечала мельчайшие изъяны товара так искусно, что уколы её не ранили гордость торговцев, и те лишь рассыпались в благодарностях. Ораторским искусством она владела безупречно.

— Ну вот, опять всё то же самое, — капризно протянула одна из знатных дам, обмахиваясь шёлковым веером. — Подумаешь, возраст почтенный. Скука смертная!

Госпожа Цинхэ мягко рассмеялась:

— Именно поэтому я пригласила сегодня одного новичка. Пусть он и юн, но его творения самобытны и наверняка заставят вас взглянуть на косметику по-новому... Пойдите, молодой господин Цан, куда же вы?

Все взгляды устремились на юношу. Цан Доушань не растерялся и вежливо поклонился:

— Прошу простить мою неловкость. От обилия ароматов у меня немного закружилась голова,

вот я и решил отойти поближе к сквозняку.

Госпожа Цинхэ улыбнулась:

— Понимаю. Тому, кто изо дня в день работает с притираниями, порой хочется глотка чистого воздуха. — Она лукаво приподняла бровь. — Ну так чем порадует нас сегодня молодой мастер? Позвольте взглянуть на ваши новинки. Та скромная покупка, что я сделала у вас на днях, меня искренне восхитила.

«На днях?» — Цан Доушань внутренне подобрался. Догадка подтвердилась: той таинственной покупательницей в шляпе-мили была именно она! И ведь как раз после её визита дела лавки пошли на лад.

Выходит, помощь в продвижении, которую обещал Хуан, пришла именно от неё.

Цан Доушань ровным голосом ответил:

— Благодарю за высокую оценку, госпожа. Я действительно принёс с собой кое-что новое, хотя и сомневаюсь, что это скромное творение сумеет удивить столь искушённое общество.

— Пустяки, — благодушно отмахнулась хозяйка. — Вы молоды, так что мы в любом случае оценим ваше рвение.

Знатные дамы согласно заулыбались. Цан Доушань проигнорировал их снисходительность и вполголоса шепнул другу:

— Вэйшэн, шкатулку.

Изнывающий от голода Вэйшэн с совершенно деревянным лицом поднялся, вытащил из ларца стеклянный флакон, бережно водрузил его на стол и тут же опустил обратно, вновь погружаясь в пучину уныния.

Цан Доушань вежливо кашлянул:

— Мой спутник сегодня неважно себя чувствует, прошу простить его угрюмый вид.

Впрочем, до Вэйшэна никому не было дела. Все взгляды устремились на розовый флакон. Цан Доушань попросил слугу принести белое фарфоровое блюдо и медленно наклонил горлышко.

Персиковый мёд потянулся густой, тягучей струёй. Полупрозрачная жидкость отливала нежным цветом весенних бутонов, а внутри её покачивались крошечные частицы цветочных

лепестков. Казалось, юноша ухитрился поймать само дыхание весны и запечатать его в стекле.

— Это средство зовётся персиковым мёдом, — неторопливо заговорил Цан Доушань. — Оно приготовлено из лепестков весеннего персика, сока алоэ, отборного белого мёда и цветков календулы. В процессе варки мы добавляем особые травы, а закрепляем аромат дистиллятом роз Хуасюнь, что делает его необычайно стойким.

— Выглядит очаровательно. Его наносят на лицо? — заинтересовалась одна из дам.

— Сфера его применения широка, — пояснил Цан Доушань. — Помимо ухода за лицом, его можно добавлять в воду при купании для смягчения кожи или принимать внутрь — тогда уже через три дня тело начнёт источать тонкий аромат. А если развести нектар в тёплом молоке, получится отличное средство для снятия дневных белил, чтобы кожа отдыхала ночью.

Госпожа Цинхэ спросила:

— Можно испробовать?

Цан Доушань сделал приглашающий жест:

— Прошу вас.

Госпожа Цинхэ взяла маленькую лопаточку из светлого нефрита в форме жуи, зачерпнула каплю нектара и нанесла на тыльную сторону ладони. Медленно втерев её в кожу, она удивлённо приподняла брови:

— Какая лёгкая и свежая текстура. — Она поднесла руку к лицу и принялась. — И аромат чудесный. Свежесть мяты переплетается с нежностью персика, совсем не бьёт в нос.

— Позже запах персика раскроется ярче, но навязчивым не станет, — добавил Цан Доушань. — Шлейф у него мягкий, сливочный, с лёгкой молочной сладостью.

— Сколько у вас с собой флаконов? — подалась вперёд одна из гостей.

Цан Доушань вежливо поклонился:

— Готовил спешно, специально к сегодняшнему вечеру, так что этот флакон — единственный.

Госпожа Цинхэ легонько стукнула нефритовым жуи по столу:

— В таком случае я забираю его себе!

В её голосе промелькнули озорные нотки, свойственные совсем юным девушкам. Знатные дамы понимающе переглянулись и дружно рассмеялись.

Приём прошёл превосходно, и гости расходились в прекрасном расположении духа.

Один лишь Вэйшэн, моривший себя голодом весь вечер, оставался мрачнее тучи.

Едва они покинули гостевую залу, он навалился плечом на друга и уныло спросил:

— Ну и чем мы будем ужинать?

— Время позднее, готовить неохота. Давай по хуньтуню в уличной лавке съедим?

— Не хочу я твои хуньтуни!

Цан Доушань с силой пихнул его локтем и огрызнулся:

— Ну и ходи голодным!

Вэйшэн опешил от такой резкости:

— Ты чего взвился-то? С чего вдруг злость такая?

Цан Доушань поджал губы, собираясь высказать всё, что думает, но тут к ним подбежал слуга из особняка. Склонившись в поклоне, он радушно произнёс:

— Господа, наша хозяйка велела приготовить для вас поздний ужин. Не откажите в любезности, подкрепитесь перед дорогой.

«Ужин!» — Вэйшэн жадно блеснул глазами. Цан Доушань лишь вздохнул и кивнул.

Госпожа Цинхэ распорядилась подать им две миски горячей тыквенной каши, тарелку пышных паровых булочек-хуацзюань и прочую сытную выпечку. Вэйшэн шумно выхлебал свою кашу до капли, умял большую часть булочек, но сытости всё равно не ощутил.

Цан Доушань пододвинул к нему свою нетронутую миску:

— На, ешь. У меня аппетита нет.

Вэйшэн нахмурился, подозрительно глядя на друга:

— Ты чего? Успел где-то перекусить?

— Да.

— Что-то я не видел, когда ты ел.

Цан Доушань промолчал.

Вэйшэн почуял неладное. Напрягая извилины, он попытался разгадать загадку и зашёл с другой стороны:

— Погоди... Ты это нарочно?

— На приёмах в высшем обществе дела ведут, а не брюхо набивают! А ты... — Цан Доушань отвернулся, оборвав фразу на полуслове, чтобы не наговорить лишнего.

— Ах, значит, я тебя опозорил?! — Вэйшэн мгновенно вспыхнул. Гнев захлестнул его с головой, кулаки зачесались сами собой. — Я в таких местах отродясь не бывал, откуда мне знать их дурацкие правила?! Ты ведь знал, как там всё устроено, но мне ни слова не сказал! А теперь воротишь нос и брезгуешь мной из-за того, что я повёл себя как деревенщина?!

В воздухе повисло тяжёлое, гнетущее молчание. Первым не выдержал Цан Доушань. Он вздохнул и пошёл на попятную:

— Ладно, прости... Ты всё ещё голоден? Чего тебе хочется?

— Да уж какое там! Я твоими поправками по горло сыт!

— Дома рис остался. Хочешь, пожарю его с яйцом?

— Хм... Ладно. Только яйца положи два. И сковороду моешь ты.

<http://bllate.org/book/18329/1785057>